

А. С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист

СБОРНИК СТАТЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
СОСТОЯВШЕЙСЯ 14–17 АПРЕЛЯ 2004 года
в г. МОСКВЕ в ЛИТЕРАТУРНОМ ИНСТИТУТЕ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ТОМ I

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2007

ББК 66.1(2)5
X 76

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 05-04-16114

X 76 А. С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист: Сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., состоявшейся 14—17 апреля 2004 г. в г. Москве в Литературном ин-те им. А. М. Горького. Т. 1 / Отв. ред. Б. Н. Тарасов. — М.: Языки славянских культур, 2007. — 728 с. (*Вклейки после с. 224, 512.*)

ISSN 1726-135X

ISBN 5-9551-0183-7

Предлагаемое издание включает в себя материалы международной конференции, посвященной двухсотлетию одного из основателей славянофильства, выдающемуся русскому мыслителю, поэту, публицисту А. С. Хомякову и состоявшейся 14—17 апреля 2004 г. в Москве, в Литературном институте им. А. М. Горького. В двухтомнике публикуются доклады и статьи по вопросам богословия, философии, истории, социологии, славяноведения, эстетики, общественной мысли, литературы, поэзии исследователей из ведущих академических институтов и вузов России, а также из Украины, Латвии, Литвы, Сербии, Хорватии, Франции, Италии, Германии, Финляндии. Своеобразие личности и мировоззрения Хомякова, проблематика его деятельности и творчества рассматриваются в актуальном современном контексте.

ББК 66.1(2)5

*В оформлении переплета использована фотография А. С. Хомякова и «Троица» А. Рублева.
На фронтиспise автопортрет А. С. Хомякова (2-я пол. 1830-х гг.).
На форзаце генеалогическая линия Хомяковых.*

ISBN 5-9551-0183-7

© Авторы, 2007
© Языки славянских культур, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
-------------------	---

РАЗДЕЛ 1. А. С. ХОМЯКОВ КАК ЛИЧНОСТЬ И КАК МЫСЛИТЕЛЬ

<i>Тарасов Б. Н.</i> А. С. Хомяков как личность и как мыслитель	13
<i>Катасонов В. Н.</i> А. С. Хомяков: целая цивилизация	24
<i>Буданцев Ю. П.</i> Парадигма А. С. Хомякова	32
<i>Егоров В. К.</i> А. С. Хомяков — русский европеец	37
<i>Воронин И. А.</i> Личность и мировоззрение А. С. Хомякова в отечественной и зарубежной историографии	41
<i>Солодкая Е. А.</i> Русское западничество славянофила А. С. Хомякова: дискурсивный парадокс национальной традиции	46
<i>Рябий М. М.</i> Алексей Степанович Хомяков в кругу Киреевских-Елагиных	54
<i>Золотусский И. П.</i> А. С. Хомяков и Н. В. Гоголь	66
<i>Пирожкова Т. Ф.</i> А. С. Хомяков и Д. А. Валуев	69
<i>Гаврюшин Н. К.</i> «Признак настоящей веры...»: А. С. Хомяков и Е. П. Ростопчина	77
<i>Кузьмичева Л. В.</i> А. С. Хомяков и сербский вопрос	89
<i>Лаптева Л. П.</i> А. С. Хомяков и его связи с чешскими учеными	106
<i>Юркин И. Н.</i> «Лет за двести в глубь старины» (Из новых разысканий о предках А. С. Хомякова)	114

РАЗДЕЛ 2. СЛАВЯНОФИЛЬСТВО В РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

<i>Громов М. Н.</i> Славянофильство как мировоззрение, идеология и философия	129
<i>Викторович В. А.</i> «Выяснение» славянофильства: от Хомякова к Достоевскому	137
<i>Никитин В. А.</i> Священник Павел Флоренский и А. С. Хомяков. Парадоксы и метаморфозы славянофильства	153
<i>Протоиерей Валентин Асмус.</i> Критика А. С. Хомякова у П. А. Флоренского ..	159
<i>Семенова С. Г.</i> Славянофилы и Николай Федоров: религиозно-философский диалог	162
<i>Воронин В. Е.</i> Славянофильские идеи и «великие реформы»: общественные взгляды великого князя Константина Николаевича	180
<i>Попов А. А.</i> Влияние А. С. Хомякова на формирование философских воззрений Ю. Ф. Самарина	194
<i>Ястребова Н. Г.</i> Славянофильские идеи Ф. Н. Глинки	200

<i>Зверев В. П.</i> Общность духовно-эстетических взглядов Ф. Н. Глинки и А. С. Хомякова	204
<i>Каплин А. Д.</i> Д. А. Хомяков как мыслитель и истолкователь «славянофильского» учения А. С. Хомякова	218
<i>Козырев А. П.</i> А. С. Хомяков и кн. С. Н. Трубецкой: возможные перекрестья	225
<i>Дубинина И. В., Кожевникова А. Д., Кожевников Д. А.</i> Славянофильская традиция в творчестве В. А. Кожевникова	233
<i>Священник Евгений Гордейчик, Машкин А. Н.</i> Творческий консерватизм Льва Тихомирова: переосмысление наследия славянофилов	241
<i>Ермаков А. В.</i> Взаимосвязь семейного и государственного начала в консервативных просветительских проектах А. С. Хомякова и С. П. Шевырева и система образования николаевской России	250
<i>Лазарев В. В.</i> Целостность и трагичность в мирочувствовании	253
<i>Снетова Н. В.</i> А. С. Хомяков и неославянофильство Н. Н. Страхова	262
<i>Козьмина М. А.</i> А. С. Хомяков и неославянофильство начала XX века	276
<i>Ломоносов А. В.</i> В. В. Розанов об А. С. Хомякове	286
<i>Джимбинов С. Б.</i> В. В. Розанов и А. С. Хомяков	292
<i>Соболев А. В.</i> Отец Георгий Флоровский и старшие славянофилы (О гносеологическом родстве)	297
<i>Захаров В. Н.</i> Вопрос об А. С. Хомякове в журнале братьев Ф. М. и М. М. Достоевских «Время»	305
<i>Щербакова М. И.</i> Продолжение идей славянофилов в переписке И. С. Аксакова и Н. Н. Страхова	321
<i>Сергеев С. М.</i> Славянофильское наследие в интерпретации Н. В. Устрялова	328

РАЗДЕЛ 3. БОГОСЛОВСКИЕ И ЭККЛЕЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ А. С. ХОМЯКОВА

<i>Осипов А. И.</i> Богословские воззрения А. С. Хомякова	339
<i>Нижников С. А.</i> Вера в творчестве А. С. Хомякова	349
<i>Кавацица А.</i> «Церковь одна» А. С. Хомякова в самаринской рукописи	355
<i>Иеромонах Евфимий (Моисеев).</i> Московская духовная академия и славянофилы	361
<i>Цвык И. В.</i> А. С. Хомяков и духовно-академическая философия	375
<i>Священник Валерий Степанов.</i> Аскетический взгляд на человека и общество церковных деятелей XIX века	379
<i>Рогощенков И. К.</i> Религиозное творчество, или Свобода мысли в православии	390
<i>Закуренко А. Ю.</i> «Кремль, Киев, Саровская пустынь»: представший и становящийся образ Руси у А. С. Хомякова	399
<i>Федоров А. А.</i> Метафизические основания «дела веры» у А. С. Хомякова	417
<i>Сузи В. Н.</i> «Путь» А. С. Хомякова	422

<i>Цимбаева Е. Н.</i> А. С. Хомяков в полемике славянофилов и русских католиков по вопросам Вселенской Церкви	433
<i>Антонов К. М.</i> Миссионерские стратегии и тактики А. С. Хомякова	437
<i>Вёрн Д.</i> Философские и богословские традиции Тюбингена и экклезиология А. С. Хомякова	445
<i>Воропаев В. А.</i> Церковь одна: А. С. Хомяков и Н. В. Гоголь.	451
<i>Фетисенко О. Л.</i> Неизвестный отзыв преподобного Амвросия Оптинского и иеромонаха Климента (Зедергольма) о Хомякове	457
<i>Карпенко Г. Ю.</i> Проблема знания в богословском сочинении А. С. Хомякова «Церковь одна» и в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»	463
<i>Священник К. Кравцов.</i> Учитель Церкви или виртуозный пустослов? Два взгляда из Серебряного века на богословие А. С. Хомякова	470
<i>Пирог А. В.</i> Взгляд западных и эмигрантских религиозных философов на богословское творчество А. С. Хомякова	478
<i>Калитин П. В.</i> Об однозначно-«интеллигентской» — «комильфо» — дуально-благочестивому — Петру и всей православно-секулярной — России	482
<i>Розов А. Н.</i> Столетие со дня рождения А. С. Хомякова на страницах церковной периодики.	492

РАЗДЕЛ 4. ОСНОВНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ А. С. ХОМЯКОВА

<i>Евламиев И. И.</i> А. С. Хомяков и русская философия конца XIX — начала XX века.	503
<i>Куракина О. Д.</i> А. С. Хомяков — основоположник самобытной русской философии	513
<i>Кошарный В. П.</i> Творческое наследие А. С. Хомякова и феномен национальной философии.	519
<i>Суходуб Т. Д.</i> Философия А. С. Хомякова как критика классического рационализма	525
<i>Казин А. Л.</i> Верующий разум. Основной принцип русской философии.	537
<i>Смирнов М. А.</i> «Философия всецелого разума» А. С. Хомякова	573
<i>Новоселов О. Н.</i> Воля и целостный разум как приобщение к реальности (О философии А. С. Хомякова).	580
<i>Треушников И. А.</i> Философия А. С. Хомякова и П. А. Флоренского: опыт сравнительного анализа.	585
<i>Багинский В. В.</i> Мотивы «Мыслей» Б. Паскаля в творчестве А. С. Хомякова	593
<i>Гачева А. Г.</i> Философия любви А. С. Хомякова.	598
<i>Жулай В. И.</i> Идея любви в этико-социальном учении А. С. Хомякова	614
<i>Моторина Л. Е.</i> Учение о человеке как личности в творчестве А. С. Хомякова	618
<i>Скорородова С. И.</i> Проблема творчества в философии А. С. Хомякова и И. В. Киреевского.	622

<i>Корольков А. А.</i> А. С. Хомяков и И. В. Киреевский — основатели русской философии просвещения	632
<i>Мелих Ю. Б.</i> Учение о личности А. С. Хомякова и Л. П. Карсавина	639
<i>Сапрыкин Д. Л.</i> Концепция образования А. С. Хомякова	646
<i>Михайлов В. В.</i> Проблема социальных ограничений в работах А. С. Хомякова	662
<i>Лазарева А. Н.</i> А. С. Хомяков и пути осмысления нравственно-религиозного идеала	669
<i>Ксенофонтов В. Н.</i> Философско-нравственные идеи А. С. Хомякова о войне и мире: содержание и преемственность	675
<i>Ванюшина Е. Ф.</i> Бердяевская рецепция философского наследия А. С. Хомякова	683
<i>Силантьева М. В.</i> Философия свободы русской неопатристики (Н. Бердяев об А. Хомякове)	693
<i>Козлова Н. П.</i> А. С. Хомяков и западная мысль	706
<i>Пугачев О. С.</i> Социальная и индивидуальная оптика А. С. Хомякова: романтический аспект	713
Сведения об авторах	721

Предисловие

В предлагаемом вниманию читателя двухтомнике публикуются доклады международной конференции, посвященной двухсотлетию А. С. Хомякова. 14—17 апреля 2004 года представители многих ведущих академических институтов и вузов, священники и философы, историки и социологи, политологи и экономисты, литературоведы и лингвисты, сотрудники музеев и библиотек из разных городов России, а также из Украины, Латвии, Литвы, Сербии, Хорватии, Франции, Италии, Германии, Финляндии собрались в Москве, в Литературном институте им. А. М. Горького, чтобы отдать дань памяти этому замечательному мыслителю, поэту и публицисту, по словам о. Павла Флоренского, «самому чистому и самому благородному из великих людей новой русской истории», рассмотреть разнообразные грани и подчеркнуть непреходящее актуальное значение его творчества. Проблемы глобализации и национального культурно-исторического самосознания в свете духовного опыта Хомякова и славянофильской традиции, соборность и текучая политика и геополитика, неославянофильство и неозападничество в сегодняшнем контексте, православное и протестантское отношение к хозяйству, воспитание книгой и образовательная концепция Хомякова, формирование под его влиянием тенденций изобразительного искусства, хомяковское наследие в идеях русских религиозных философов XX века и его восприятие на Западе, богословская и историософская полемика вокруг его сочинений, Хомяков и славянский мир, Хомяков и современная отечественная литература, новые разыскания о предках Хомякова и его окружении — с обсуждением этих и многих других вопросов на конференции теперь могут ознакомиться и читатели. Не все печатаемые материалы равноценны по своему содержанию, глубине и адекватности в истолковании многосторонней, сложной и объемной проблематики творчества Хомякова и ее противоречивых отражений. Мы не производили никакого отбора (предоставляя возможность высказаться как авторитетным, так и начинающим исследователям), специально не сокращали и не правили тексты, дабы читатель сам мог оценить теперешнюю панораму взглядов на его личность и деятельность. Эти взгляды порою не совпадают друг с другом, а иногда и не соответствуют духу и смыслу произведений Хомякова, страдают избыточным стремлением «осовременить» его мысль. В любом случае конференция подтвердила живую преемственность традиции, без которой невозможны подлинно плодотворное настоящее и будущее отечественной истории и культуры.

Б. Н. Тарасов

РАЗДЕЛ 1

А. С. ХОМЯКОВ КАК ЛИЧНОСТЬ И КАК МЫСЛИТЕЛЬ

А. С. ХОМЯКОВ КАК ЛИЧНОСТЬ И КАК МЫСЛИТЕЛЬ

Хомякова по праву можно считать главой, «гранитной скалой» и «камнем», по определению Н. А. Бердяева, славянофильства или «корифеем национальной школы», по определению П. Я. Чаадаева. И не только потому, что он стоит у истоков этого направления общественно-литературной мысли, зачастую неправомерно отождествляемой по терминологическому недоразумению с любовью к славянам. Само значение его личности и творчества наиболее раскрывается в постановке самых разных вопросов «о нашей умственной и нравственной самостоятельности» (А. Григорьев), понимаемой не только в этническом, но и — прежде всего — в самом широком историософском и антропологическом контексте. С Хомякова, по существу, начинается самобытная русская мысль, философское самосознание нации, основная и постоянная задача которой, с его точки зрения, заключается в поиске жизненного воплощения ее сокровенных возможностей, когда разумное развитие народа возводится до общечеловеческого значения того типа, который скрывается в самом корне народного бытия.

Религиозные, исторические, общественные, эстетические воззрения и предпочтения Хомякова складывались на основе энциклопедических познаний едва ли не всех областей человеческой деятельности и науки. Как и многие славянофилы, он был блестяще образованным человеком, знал множество языков, мировые религии, лингвистику, писал по-французски богословские трактаты. Хомяков хорошо разбирался в экономике, разрабатывал проекты освобождения крестьян и усовершенствования сельскохозяйственного производства, изобрел дальнобойное ружье и новую паровую машину, получившую патент в Англии, занимался винокурением, сахароварением и гомеопатическим лечением, успешными поисками полезных ископаемых в Тульской губернии, проектами улучшения благосостояния жителей Алеутских островов и созданием хитроумных артиллерийских снарядов в период Крымской войны. Одаренный художник, портретист и иконописец, известный поэт и драматург — таковы еще ипостаси личности Хомякова, о котором его единомышленник А. И. Кошелев писал: «Он не был специалистом ни по какой части, но все его интересовало, всем он занимался, все ему было более или менее известно и встречало искреннее сочувствие. Обширности его сведений особенно помогала, кроме необходимой живости ума, способность читать чрезвычайно быстро и сохранять в памяти навсегда им прочитанное»¹.

Об умении Хомякова с ходу впитывать новые знания и уместно пользоваться ими в полемических целях есть много свидетельств его современников. Например, известный юрист-западник Б. Н. Чичерин вспоминал, что Хомякову, глотавшему книги, «как пилюли», достаточно было одной ночи для усвоения самого глубо-

¹ Записки А. И. Кошелева. М., 1991. Ч. I. С. 86.

комысленного сочинения и точной передачи наутро его основной сути или, как отмечала А. Ф. Тютчева, его юмористической стороны.

Идейная страстность и дискуссионный талант заставляли неутомимого спорщика всегда быть наготове и вмешиваться во все спорные вопросы времени. А. И. Герцен называл его «бретером диалектики», который, подобно средневековым рыцарям, стерегущим храм Богородицы, «спал вооруженным».

И здесь следует подчеркнуть другую, в каком-то смысле противоположную и главную сторону естественного характера и умственного склада Хомякова, не растекавшегося мыслию в разных областях знания и в интеллектуальном остроумии. За многообразными проявлениями его живого искристого ума таилась глубокая духовная и нравственная сосредоточенность, нерасторжимое единство идей, чувств и воли, незамутненная ясность самых серьезных задач.

«Поэт, механик и филолог,
Врач, живописец и теолог,
Общины русской публицист,
Ты мудр, как змий, как голубь чист», —

писал о нем мемуарист Д. И. Свербеев.

Для понимания не только личности, но и всего духа и смысла творчества Хомякова уместно будет вспомнить роман И. А. Гончарова «Обрыв», где встречается рассуждение о гармонии умственного и нравственного развития, мощи ума и способности «иметь сердце и дорожить этой силой, если не выше силы ума, то хоть наравне с нею. А пока люди стыдятся этой силы, дорожа “змеиной мудростью” и краснея “голубиной простоты” <...> пока умственную высоту будут предпочитать нравственной, до тех пор и достижение этой высоты немислимо, следовательно, немислим и истинный, прочный, человеческий прогресс»².

Если мы обратимся к Хомякову, то и у него встретим сходное понимание прогресса, уяснение которого чрезвычайно актуально и в наши дни. Необходимо, подчеркивал он, задавать себе вопрос, «чей прогресс, прогресс чего именно... Может усовершенствоваться наука, а нравы могут упадать и страна опять-таки гибнуть. Где же тут прогресс страны? Прогресс есть слово, требующее субъекта. Без этого субъекта прогресс есть отвлеченность или, лучше сказать, чистая бессмыслица»³.

Двадцатый век, а вслед за ним и XXI являются, несомненно, временем наибольшего разрыва между развитием научно-технической мощи человека и утратой нравственного «субъекта» прогресса. Становится все более очевидно, что если жизнь отдельного человека и целой нации ограничивается материальными интересами и диктуется сиюминутными претензиями, а не освящается абсолютными

² Гончаров И. А. Обрыв. М., 1984. С. 315.

³ Цит. по: Чаадаев П. Я. Цена веков. М., 1991. С. 26.

идеалами и не опирается на многовековые традиции, то она подвергается опасности загнивания и уничтожения.

В таком контексте личностный и творческий опыт Хомякова, «самого чистого и самого благородного из великих людей новой русской истории», по словам П. А. Флоренского, трудно переоценить. Именно соединение змеиной мудрости и голубиной простоты позволяло ему отличать мнимое просвещение от истинного, определять содержание подлинного прогресса.

Многие современники отмечали изначальную цельность мировоззрения Хомякова, отсутствие даже в юности сомнений и исканий. Ю. Ф. Самарин, испытывавший в молодости его решающее воздействие, писал: «Для людей, сохранивших в себе чуткость неповрежденного религиозного смысла, но запутавшихся в противоречиях и раздвоившихся душою, Хомяков был своего рода эмансипатором; он выводил их на простор, на свет Божий, возвращал им цельность религиозного сознания»⁴. Главную причину такого состояния личности своего старшего друга, ее воздействия на окружающих Самарин видел в том, что тот с раннего детства до последней минуты «жил в Церкви», составлял ее живую частицу. Именно жизнь в Церкви придавала вселенский богословский и историософский масштаб и одновременно насущную мудрость и трезвость мысли Хомякова, что позволяло ему верно оценивать не только разные явления в окружающем мире, но и их возможные перспективы и судьбы.

Искреннему и последовательному воцерковлению Хомякова во многом способствовала его мать Мария Алексеевна, которой он, по собственным словам, был обязан «своим направлением и своей неуклонностью в этом направлении». Он говорил, что ее духовное существо не было ни разварено (от 1800 до 1825 года), ни придавлено (от 1825 до 1855 года). Мать воспитывала сына в строгой преданности основам Православной Церкви и национальным началам жизни. Она происходила из рода Киреевских. Отдаленные или близкие родственные отношения связывали между собой и весь круг будущих славянофилов. Кстати, сам Хомяков был женат на сестре славянофильского поэта Н. М. Языкова. Укорененность в гуще «семейственных» отношений культурной дворянской среды накладывала неповторимый отпечаток на быт и идеи славянофилов, что с легкой иронией отмечал П. А. Флоренский: «Они хотели бы и весь мир видеть устроенным по-родственному, как одно огромное чаепитие дружных родственников, собравшихся вечером поговорить о каком-нибудь хорошем вопросе»⁵.

Верно отмечая «домашнее» влияние на формирование философских воззрений славянофилов, Флоренский, тем не менее, преувеличивает его значение. Да и выразительные факты биографии Хомякова показывают, что не только семейные ценности руководили его поведением. Когда в 1821 году началось восстание против турецкого ига в Греции, юный Хомяков, учившийся в Московском университете

⁴ Самарин Ю. Предисловие // Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 2. М., 1900. С. XVII.

⁵ Флоренский П. А. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1969. С. 314.

и получивший там степень кандидата математики, обзавелся фальшивым паспортом, накопил денег, купил нож и отправился на помощь угнетенным, однако был вскоре задержан и возвращен домой. Характерно, что через несколько лет чувство справедливости и высшей свободы заставило Хомякова поступать иначе, когда он оказался в самом центре декабристских замыслов и протестовал против революционного насилия, говоря о безнравственности всякого военного бунта. Один из современников вспоминал:

Рылеев являлся в этом обществе оракулом. Его проповеди слушались с жадностью и доверием. Тема была одна — необходимость конституции и переворота посредством войска. Посреди этих людей нередко являлся молодой офицер, необыкновенно живого ума. Он никак не хотел согласиться с мнениями, господствовавшими в этом обществе, и постоянно твердил, что из всех революций самая незаконная есть революция военная. Однажды, поздним осенним вечером, по этому предмету у него был жаркий спор с Рылеевым. Смысл слов молодого офицера был таков: «Вы хотите военной революции. Но что такое войско? Это собрание людей, которых народ вооружал на свой счет и которым он поручил защищать себя. Какая же тут будет правда, если эти люди, в противность своему назначению, станут распоряжаться народом по произволу и сделаются выше его?» Рассерженный Рылеев убежал с вечера домой. Князю Одоевскому этот противник революции надоедал, уверяя его, что он вовсе не либерал и только хочет заменить единодержавие тиранством вооруженного меньшинства. Человек этот — А. С. Хомяков⁶.

Из приведенных строк видно, что у молодого человека, к тому времени офицера лейб-гвардии Конного полка, уже созрело стойкое неприятие искусственных разрывов органического развития русской истории и ее насильственных преобразований «сверху», без учета соборного мнения народа, его коренных традиций и основных ценностей — будь то петровские реформы, декабристские планы или грядущие революционно-демократические теории. Что же касается конкретного контекста, то «живой ум» Хомякова не мог, конечно, переломить господствовавшего настроения. Его полк принял участие в восстании на Сенатской площади, а сам он в это время находился в двухгодичном путешествии за границей и внимательно изучал западную жизнь.

После русско-турецкой войны 1828—1829 годов, в которой он проявил героизм и мужество, Хомяков постепенно все больше погружается в философские раздумья и научные занятия. В них огромное место занимают вопросы соотношения и взаимодействия русской и европейской культур. Своеобразным толчком для кристаллизации его мыслей послужила публикация в 1836 году в журнале «Телескоп»

⁶ Цит. по: *Егоров Б. Ф.* А. С. Хомяков — литературный критик и публицист // *Хомяков А. С.* О старом и новом. М., 1988. С. 13.

первого философического письма П. Я. Чаадаева, резко критиковавшего историческое прошлое России и призывавшего к всецелому копированию европейского пути.

Для опровержения необходимости безусловной подражательности и обоснования возможности самостоятельного развития Хомяков написал оставшуюся неопубликованной статью, где возражал Чаадаеву и подчеркивал: «Мы принимали от умирающей Греции святое наследие, символ искупления, и учились слову; мы отставали его от нашествия Корана и не отдали во власть папы; сохраняли непорочную голубицу, перелетевшую из Византии на берега Днепра и припавшую на грудь Владимира»⁷. А через три года, в один из вечеров у А. П. Елагиной, матери братьев Киреевских, Хомяков огласил положения своей статьи «О старом и новом» (1839), ставшей первоначальным программным документом нарождавшегося славянофильства: «Если ничего доброго и плодотворного не существовало в прежней жизни России, то нам приходится все черпать из жизни других народов, из собственных теорий, из примеров и трудов племен просвещенных эпох и из стремлений современных»⁸. Но такова ли в действительности прежняя жизнь России? Да, рассуждал оратор, в ней есть много примеров неграмотности и взяток, вражды и междоусобиц. Но не меньше в ней и обратных примеров. В основании нашей истории, продолжал он свою мысль, нет пятен крови и завоевания, а в преданиях и традициях нет уроков несправедности и насилия. «Эти-то лучшие инстинкты души русской, образованной и облагороженной христианством, эти-то воспоминания древности неизвестной, но живой в нас тайно, произвели все хорошее, чем мы можем гордиться»⁹.

Хомяков призывал объективно разобраться в разных «плодах просвещения» и определить, нет ли в русском «старом» чего-либо такого, что утеряно в «новом» и что могло бы помочь сделать человеческие отношения более добрыми и разумными. В дальнейшем он посвятил немало страниц раскрытию нелепых и одновременно драматических страниц бездумного подражательства Европе, когда она сделалась для русских, как ни для какой другой большой нации, второй родиной, источником не только приемов и методов внешнего прогресса, но и жизненных целей и задач. При этом, подчеркивал Хомяков, безоглядно осваивались деизм, вольтерьянство, масонство, политический радикализм и другие модные идеи с иностранной этикеткой, а желанными наставниками и учителями становились подчас весьма далекие от духовной культуры люди.

Принимая все без разбора, — писал он, — добродушно признавая просвещением всякое явление западного мира, всякую новую моду и оттенок моды, всякий плод досуга немецких философов и французских портных, всякое изменение в мысли или в быте, мы еще не осмелились ни разу хоть вежливо, хоть робко, хоть в полусомнении спросить у Запа-

⁷ Хомяков А. С. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 454.

⁸ Хомяков А. С. О старом и новом. С. 43.

⁹ Там же. С. 48.

да, все ли то правда, что он говорит? Все ли то прекрасно, что он делает? Ежедневно, в своем беспрестанном волнении, называет он свои мысли ложью, заменяя старую ложь, может быть, новою, и старое безобразие, может быть, новым, и при всякой перемене мы с ним вместе осуждаем прошедшее, хвалим настоящее и ждем от него нового приговора, чтобы снова переменить наши мысли¹⁰.

Жадное и некритическое восприятие европейских уроков в отрыве от проникновения в сущность собственного национального опыта увеличивало, показывает Хомяков, разрыв между самобытной жизнью и заимствованным просвещением, усиливало отделение высших слоев общества от народа, приводило к забвению духовной сущности родной земли и ее истории. Редкая семья, пишет он, располагает какими-то знаниями о своем прапрадеде, думая, что «он был чем-то вроде дикаря в глазах своих образованных правнуков». При этом отрицание всего русского, от названий до обычаев, от мелочей одежды до существенных основ жизни доходило порою до нелепой страсти и комической восторженности.

Хомяков подчеркивает, что не является противником западного просвещения, признает неотразимое обаяние, весомость и нужность его многочисленных плодов, которыми и сам каждодневно с удовольствием пользуется. Речь идет лишь о том, чтобы различать пригодные для всех, универсальные научно-технические сведения и методы и гуманитарные знания и общественные идеалы, которые в России и Европе органически формировались в разных исторических условиях и заимствование которых, следовательно, не может проходить безболезненно. К тому же в основных идеях западного просвещения мыслитель обнаруживал определенные ограничения, которые не следовало бы переносить на русскую почву.

Рассматривая, в каком направлении и до каких пределов изменяется под воздействием основополагающих результатов и исходных начал европейской культуры логика внутреннего развития отдельной личности, определяющая своеобразие ее связи с другими такими же личностями, со всеми людьми, Хомяков обращается к идее права и юридического закона. Эта идея, организующая человеческие отношения в западном обществе, обнаруживает в его представлении свою односторонность и отвлеченность, когда внешняя формальность «съедает» внутреннюю справедливость. Ибо в букве закона человек покровительствует эгоистической выгоде, хотя и ограждаемой условным договором. С его точки зрения, абстрактное понимание права получает конкретное положительное содержание и подлинность лишь при зависимости от нравственных обязанностей, находящихся в прямой связи с «всечеловеческой или всемирной нравственной истиной».

Идеал свободы, если она не определена этой истиной, не имеет достаточно положительного внутреннего содержания и раскрывается Хомяковым как неразборчивая воля к недосознаваемой смене разных форм практической деятельности.

¹⁰ Там же. С. 91.

Отсюда презрение к бескорыстному поведению, накопление богатства как чувственного раздражителя для бесконечного материального потребления. Отсюда дух соперничества оригинальных индивидуальностей и партийных интересов, раздробляющих всякое желание общего блага в конкуренции частных достижений.

По логике Хомякова, внутренняя противоречивость и неполнота основных европейских достижений являются результатом исторического развития католичества, односторонне понявшего христианство как внешнее принудительное единство по государственному образу и вызвавшего столь же односторонний и опять-таки внешне определяемый пиетет перед отрицательной индивидуалистической свободой в протестантизме. По его убеждению, в этом раздвоении и установке на внешнее бессознательно сказался всеукрашивающий антропоцентризм античного элемента, подчинявший «небо» «земле» и безуспешно пытавшийся воплотить «христианскую истину» в знакомых исторических формах (юридических, политических, государственных).

Другими путями, в представлении Хомякова, просвещалось сознание и создавалась культура в России, где восточное христианство не смешивалось с древнеримским наследием и в чистоте святоотеческого предания воздействовало на национальные начала. Поэтому Православие, в котором христианство отразилось «в полноте, то есть в тождестве единства и свободы, проявляемом в законе духовной любви», он считал подлинным источником истинного просвещения. Такое просвещение не является только сводом общественных договоренностей или научных знаний, а «есть разумное просветление всего духовного состава в человеке или народе. Оно может соединяться с наукою, ибо наука есть одно из его явлений, но оно сильно и без наукообразного знания; наука же (одностороннее его развитие) бессильна и ничтожна без него... Разумное просветление духа человеческого есть тот живой корень, из которого развиваются и наукообразное знание, и так называемая цивилизация или образованность»¹¹.

Просвещение и просветление человеческого духа законом любви собирает все силы личности и направляет ее волю и разум к высокой простоте целостного знания, водворяющего в душе непосредственное и живое согласие с истинами веры и откровения. Такое знание и согласие поддерживают в свою очередь искреннюю любовь, которая, пишет Хомяков, есть «приобретение, и чем шире ее область, тем полнее она выносит человека из его пределов, тем богаче он становится внутри себя. В жертве, в самозабвении находит он преизбыток расширяющейся жизни, и в этом преизбытке сам светлеет, торжествует и радуется. Останавливается ли его стремление, он скудеет, все более сжимается в тесные пределы, в самого себя, как в гроб, который ему противен и из которого он выйти не может, потому что не хочет»¹². Без преобразования внутреннего мира человека подвигом жертвенного самоотречения нет и подлинной любви, а без подлинной любви нет ни истинного

¹¹ Там же. С. 101—102.

¹² Цит. по: Чаадаев П. Я. Цена веков. С. 141.